

О.Ю. Васильева.

Февральская пресс-конференция митрополита Сергия - историческое осмысление и историческое наследие

Оценка жизни и деятельности митрополита Сергия (Страгородского) является одним из самых спорных и трудных вопросов русской церковной истории. Пожалуй, ни о ком не написано больше. Количество авторских листов иностранного происхождения в десятки раз превышает отечественные. Можно встретить особые термины: "сергианство", "сергианская линия", "сергианцы". Обсуждали и обсуждают, в основном, три момента: "Декларацию 1927 года", пресс-конференцию 1930 г. и каноничность главенства митрополита в Церкви. Нередко приходится встречать односторонний взгляд на отношения иерарха с властью, при котором не достаточно учитываются причины этих контактов. Через необоснованные обвинения формируется далекое от объективности мнение о позиции, которую занимала Церковь в конце 20-х, в тридцатые и в начале 40-х годов. Упрощенно и схематично толкуется личность самого иерарха, чья судьба неразрывно связана с труднейшим периодом в истории страны и Церкви, чей тяжкий жребий служения пришелся на долгие годы «строительства новой жизни» и время войны. Тяжелая доля продолжать практическое руководство Русской Церковью в этих исключительных обстоятельствах выпала на митрополита, а с осени 1943 года и Патриарха Сергия...

На его пути, таком ровном и спокойном вначале, первое испытание искушением пришло в июне 1922 года, когда был обнародован «Меморандум трех» - заявление маститых иерархов - митрополита Владимирского Сергия, архиепископа Нижегородского Евдокима (Мещерского) и архиепископа костромского Серафима (Мещерякова), признавших обновленческое Высшее Церковное Управление (ВЦУ) канонической законной властью. Позже митрополит Сергий объяснял его создание как единственную возможность встать во главе обновленческого движения и вернуть его в патриаршее русло.

23 октября 1922 года митрополит Сергий (Страгородский) заявил о прекращении церковного общения с деятелями "новой демократической церкви" и покинул созданное ими Высшее Церковное Управление. Позже, в августе 1923 года он принес покаяние перед Патриархом Тихоном и активно включился в работу по возможности созыва Поместного Собора Русской Православной церкви для решения вопросов церковной жизни при новой власти. Вместо оставшегося в обновленчестве архиепископа Евдокима митрополит Сергий получил назначение на Нижегородскую кафедру. Пастырскую любовь Патриарха Тихона он будет помнить всегда. При погребении Святейшего митрополит Сергий в своей короткой речи отметил особенную доброту Первосвятителя и его снисхождение к ближним.

После смерти Патриарха начался долгий этап противостояния двух ветвей Русской Православной церкви - Русской и Зарубежной. Все самые острые моменты этого процесса пришлись на годы служения митрополита Сергия. Уже «Предсмертное завещание» Святителя Тихона, опубликованное с опозданием в официальной прессе, не вызвало доверия в зарубежье, и подтверждение его подлинности Местоблюстителем Петром тоже было поставлено под сомнение. С кончиной Патриарха ушло сильное объединительное начало и стала возрастать подозрительность.

После ареста митрополита Петра, Владыка Сергий сообщил 14 декабря 1925 года из Нижнего Новгорода викарию Московской епархии епископу Клинскому Гавриилу (Красновскому) о своем вступлении в исполнение обязанностей Патриаршего Местоблюстителя на основании распоряжения митрополита Петра от 23.11/06.12.1925 и просил известить об этом всех архиереев в Москве. (Чуть позже и до 1936 года митрополит Сергий стал называть себя «Заместителем Патриаршего Местоблюстителя»).

Первые дни вступления в права и обязанности митрополита Сергия в декабре 1925 года омрачились угрозой нового раскола.

Десять епископов, оставшихся в Москве в Донском монастыре под председательством архиепископа Екатеринбургского Григория (Яцковского) на своем совещании высказали недовольство по поводу единоличного управления церковью митрополитом Петром, который якобы не хотел созывать Собор, и образовали Временный Высший Церковный Совет под председательством архиепископа Григория.

Большевистская власть поддержала григорианский ВВЦС, который очень скоро получил право на легализацию. Ослабление Церкви путем создания параллельного Местоблюстителю и его Заместителю церковного центра неизбежно привело бы к нарушению единства.

14 января 1926 г. митрополит Сергий в своем письме на имя архиепископа Григория выступил с протестом против самочинного ВВЦС. В ответном письме его Председатель пригласил митрополита Сергия не только войти во Временный Совет, но и даже возглавить его. Последовал резкий отказ и запрет на служение архиепископа Григория и его сторонников.

Григориане не сдавались. Им удалось посетить митрополита Петра во внутренней тюрьме Лубянки (при содействии власти) и убедить его в том, что митрополит Сергий не может управлять Церковью, так как находится а Нижнем без права выезда. При этом от Местоблюстителя митрополита Петра было скрыто то обстоятельство, что Временный Высший Церковный Совет был образован, когда участники совещания в Донском монастыре уже знали о назначении Заместителя Местоблюстителя. Итогом встречи с митрополитом Петром стала резолюция о временной передаче Высшей Церковной власти коллегии из трех архиереев: архиепископов Владимирского Николая (Добронравова), Томского Димитрия (Беликова) и Екатеринбургского (Яцковского). При этом григориане умолчали о том, что архиепископы Димитрий и Николай, находясь в ссылке, не могут выехать в Москву. Резолюцию члены

Временного Высшего Церковного Совета рассматривали как передачу церковной власти архиепископу Григорию.

Митрополит Сергей отказался подчиниться этой резолюции, указав на неосведомленность Местоблюстителя об истинном состоянии церковных дел. Он вступает в переписку с митрополитом Петром, его позицию поддержали многие архиереи. И 22 апреля 1926 г. в письме митрополиту Сергию Местоблюститель объявляет об упразднении Временного Высшего Церковного Совета и подтверждает ранее сделанное назначение Заместителя Местоблюстителя. (Григориане не подчинились воле главы Церкви, сохранили свою организацию, которая просуществовала еще около десяти лет, не получив поддержки у клира и мирян и не оказывая влияния на церковную жизнь. Архиепископ Григорий до своей кончины в 1932 г. руководил несколькими общинами на Урале, Григорианские малочисленные общины имелись также в сибирских и поволжских епархиях. Последние из них принесли покаяние митрополиту Сергию в 1943 году).

Весна 1926 года принесла также обострение вопроса о преемственности канонической власти. Из ссылки вернулся митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел (Преображенский), названный в "Завещании" Патриарха Тихона вторым кандидатом на Местоблюстительство. Но вместо возвращения домой, митрополит был задержан в тюрьме г. Перми, куда для встречи с ним прибыл Евгений Тучков. Он уговаривал Владыку взять на себя полноту церковной власти, используя свое старшинство и назначение Патриарха Тихона. Власть руками Е. Тучкова хотела разжечь борьбу за управление Церковью между митрополитами Сергием и Агафангелом и умножить тем самым количество расколов.

Результатом нажима стало «Послание к Церкви», написанное Владыкой Агафангелом 18 апреля 1926 года из Перми, в котором он известил верующих о своем вступлении в должность Местоблюстителя Патриаршего Престола, ссылаясь на Завещание Патриарха Тихона. В начавшейся переписке между митрополитом Сергием и новым претендентом на высшую церковную власть (от 30 апреля, 16 мая, 23 мая) поднимались самые острые вопросы. И митрополиту Сергию удалось объяснить митрополиту Агафангелу, что в распоряжении Патриарха Тихона нет ни слова о том, что Местоблюститель Петр принял власть временно, до возвращения старейших кандидатов. Приняв власть законно, он может быть лишенным ее только на законных основаниях, т.е. в случае добровольного отхода или по суду архиереев. Не соглашаясь с митрополитом Сергием внутренне, Владыка Агафангел ради церковного мира отказался от своих прав, уведолив об этом Сергия телеграммой в июле 1926 года.

Разрешив очередной конфликт, Владыка Сергей должен был решить самую важную задачу: легализовать церковную жизнь в большевистской России. После кончины Святейшего Патриарха прекратил существование учрежденный им Временный Патриарший Синод. Для создания новых организационных структур и признания их полномочий требовались контакты с богоборческой властью, на которые незадолго до смерти пошел Патриарх Тихон. Политику преемников Патриарха следует рассматривать как продолжение и развитие основы, заложенной Святейшим. Неверна точка зрения, что до "Декларации 1927 г.", речь о которой пойдет ниже, русский епископат был против легализации. Для нормальной внутрицерковной жизни легализация была совершенно очевидно необходима. Не созывались Соборы, не работал Синод. Церковь физически была обескровлена - через Соловки к 1930 г. прошел почти весь епископат, жизнь в приходах угасала. Но условия легализации богоборческой власти не приняли ни митрополит Петр (1925 г.), ни митрополит Сергей в 1926 году. И величайшая роль в разрешении этой проблемы - отношения церкви с властью принадлежит соловецким узникам.

Соловецкий монастырь в истории России неоднократно оказывался духовным центром, определявшим церковную жизнь в России.

В XX столетии ему суждено было стать самым известным в стране концлагерем.

Важнейшим моментом церковной жизни середины 20-х годов было его духовное влияние на всю церковную политику. К 1926 г. на Соловках находилось 29 православных иерархов. Их деятельность была объединена в самостоятельный церковный орган, известный как "Собор соловецких епископов". Правящими епископами на Соловках последовательно избирались: архиепископ Приамурский и Благовещенский Евгений (Зернов), Архиепископ Иларион (Троицкий), викарий Московский, архиепископ Воронежский Петр (Зверев). Судьба каждого из них - судьбы мучеников, жизнь свою положивших за Христа.

Эти соловецкие мученики, руководя "Соловецким собором" с 1926 по 1929 год, не обладая никакими официальными полномочиями, влияли на церковную жизнь страны, реагируя своими посланиями (их было четыре) на всю ее противоречивость. Известно, что митрополит Сергей опирался в своей деятельности на авторитет "соловецких старцев".

В июне 1926 года Соловецкие епископы (17 человек) во главе с архиепископами Иларионом, Евгением, Пахомием (Кедровым), Ювеналием (Масловским) и др. пишут "Памятную записку Соловецких епископов, представленную на усмотрение Правительства". Основная мысль этого документа - просьба о легализации без вмешательства во внутренние дела Церкви. Мирозренческого примирения быть не может, т.к. условием бытия и смысла существования Церкви является то самое, что категорически отрицает коммунистическая идеология.

А 10 июня 1926 г. митрополит Сергей пишет проект Обращения к Советской власти в качестве приложения к его одновременному ходатайству НКВД о легализации церковных органов, в частности, о регистрации его в должности Заместителя Патриаршего Местоблюстителя, регистрации местных церковных органов, разрешения на созыв епископов и издания "Вестника Московской Патриархии", об открытии духовных учебных заведений. Также, как и соловчане, митрополит Сергей подчеркнул в Обращении, что не имеет смысла замалчивать о существующем противоречии между православными и большевиками, стоящими у власти. Обещая лояльность, отмечал митрополит, мы не можем наблюдать за политическими партиями наших единоверцев и применять церковные кары для отщепенцев. Об

отношению к зарубежному духовенству митрополит написал следующее: "Здесь требуют выяснения наши отношения к русскому духовенству, ушедшему за границу и там образовавшему из себя некоторое филиальное отделение Русской церкви. Не признавая себя гражданами Советского Союза и не считая себя обязанными по отношению к Советской власти никакими обязательствами, заграничные духовные лица иногда позволяют себе враждебные выступления против Союза, а ответственность за эти выступления падают на всю Русскую церковь, в клире или иерархии которой они продолжают оставаться".

Выход, по мнению митрополита, был один: "выразить наш полный разрыв с таким политиканствующим духовенством...". А для этого нужно было «установить правило, что всякое духовное лицо, которое не пожелает признать своих гражданских обязательств перед Советским Союзом, должно быть исключено из состава клира Московского Патриархата и поступает в ведение заграничных поместных православных церквей, смотря по территории»¹.

Митрополит не только не грозил церковным судом, а предлагал уйти в другие юрисдикции Поместных Православных церквей.

На таких условиях власть, естественно, регистрацию не разрешила, а за Владыкой Сергием было установлено наблюдение.

12 сентября 1926 года митрополит совершает еще одно "противоправное" действие - обращается с письмом к зарубежным епископам. Оно пронизано братской искренностью и заботой о дальнейшей судьбе православных за границей. В конце письма Владыка подчеркивает, что Святейший действительно подал распоряжение о закрытии Заграничного Синода. Далее в письме звучит мысль о возможности создания такого центра, если бы существовало согласие между иерархами. А его нет, и митрополит пишет: "Если такого органа общепризнанного всею эмиграцией, создать, по-видимому, нельзя, то уже лучше покориться воле Божией, признать, что отдельного существования эмигрантская церковь устроить себе не может и поэтому всем Вам пришло время, встать на почву канонов и подчиниться (допустим, временно) местной православной власти, например, в Сербии - Сербскому Патриарху, и работать на пользу той частной Православной церкви, которая вас приютила"². Далее митрополит подчеркнул, что такое отдельное существование скорее предохранит от взаимных распрей, чем старание всех удержать и подчинить искусственно созданному центру. И, что именно такая постановка более соответствует теперешнему положению церкви в России. Как в случае с обращениями Патриарха, так и впоследствии, как нам кажется, зарубежным епископам часто было трудно понять, что «соответствует теперешнему положению церкви в России».

Расправа с митрополитом не заставила себя ждать. Он был арестован в ноябре 1926 года по обвинению в связях с эмиграцией и в подготовке проведения нелегальных выборов Патриарха. Инициатива избрания путем сбора подписей исходила с Соловков от архиепископа Илариона (Троицкого) кандидатом на Патриарший Престол он предложил митрополита Кирилла (Смирнова), срок ссылки которого истекал в ближайшее время. Митрополит Сергей поддержал Владыку Илариона. Практическим осуществлением выборов руководил архиепископ Рыльский Павлин (Крошечкин) со своими помощниками - иеромонахом Таврионом (Батозским) и мирянами Кувшиновыми, отцом и сыном. За короткое время они объездили места ссылок архиереев, собрав 72 подписи, что воистину было подвигом.

Вместе с митрополитом Сергием аресту и новым ссылкам подверглись и другие архиереи, готовившие избрание Патриарха. Временное управление церковью взял на себя митрополит Петроградский Иосиф (Петровых), остававшийся по-прежнему в ссылке в Ростове Великом.

В распоряжении митрополита Петра 23.11./6.12.1925 он был назван третьим кандидатом в Заместители Местоблюстителя. Предвидя свой скорый арест, митрополит Иосиф указом от 8 декабря 1926 года назначил временных заместителей: архиепископов Свердловского Корнилия (Соболева), Астраханского Фаддея (Успенского) и Угличского Серафима (Самойловича). На свободе после ареста митрополита Иосифа оставался только архиепископ Серафим. Переживая усиливающийся государственный террор, в посланиях к епископам Владыка Серафим просил сократить переписку с ним до минимума, предоставляя им все дела, кроме принципиальных и общецерковных, решать на местах, чтобы уберечь тех, кто оставался еще на свободе.

Митрополит Сергей был освобожден в марте 1927 года, спустя 3,5 месяца. Этот его последний арест на долгие годы внес сомнения в умы православных. И по сей день бытует мнение о том, что именно тогда митрополит Сергей вступил на путь сотрудничества с ГПУ, что подтверждением этого соглашения явилась "нужная" власти "Декларация 1927 года". Свои выводы оппоненты по сей день подкрепляют аргументами такого свойства: срок ареста 3,5 месяца, разрешено жить в Москве, а до ареста жить не мог. "Декларацию" не приняло 2/3 клира и т.д.

До своего ареста, третьего по счету, митрополит Сергей был одним из самых уважаемых епископов России. Самым естественным, казалось бы, путем для митрополита был путь отшельничества в какой-нибудь глуши, где можно было и не прекращать богословских трудов. Путь почетный и легкий. Но он выбрал другой - продолжение пути, начертанного Патриархом Тихоном, - сохранение Церкви в условиях тоталитарного государства. Он никогда и никого не боялся. И реакцию властей за сентябрьское письмо к зарубежным епископам он знал заранее, но шел на этот шаг, в первую очередь, ради самих "карловчан", давая им возможность ухода в другую юрисдикцию.

Митрополит Сергей дал согласие на тайные выборы Патриарха, зная ответную реакцию власти в случае провала, но надеялся, что можно будет провести их быстро, и церковь вновь обретет своего Первосвятителя в такой трагический для нее период. Он не строил иллюзий, зная, что весь епископат находится под постоянной слежкой и личным контролем Е. Тучкова.

И Владыка Сергей выбрал компромисс с властью, встав на путь мученичества через свое унижение и поправление ради спасения Церкви. Сбылись его пророческие слова, что «истинный пастырь "душу свою

полагает - за овцы", отрекается от себя, от своих привычек и удобств, от своего самолюбия, готов пожертвовать самой жизнью и даже душой своей ради церкви Христовой, ради духовного благополучия словесного стада», сказанные в далеком 1901 году.

VI отдел СО ОГПУ Тучкова за очень короткое время состряпал 2-ю редакцию "Декларации", обнародованную 29 июля 1927 года. До сегодняшнего дня оппоненты не могут до конца понять причину согласия митрополита Сергия ее подписать. В случае отказа Тучков обещал новую волну арестов и расправу над соловчанами. Совсем недавно из закрытых ранее документов стало известно, что осенью 1927 года митрополит Сергей предъявил ОГПУ список из 28 епископов для их амнистирования. Это было одним из условий подписания им Декларации 1927 года.³

Всю тяжесть ответственности с митрополитом Сергием разделили его единомышленники - члены Временного Патриаршего Синода, тоже поставившие свои подписи под "Декларацией 1927 года": митрополит Тверской Серафим (Александров), архиепископ Вологодский Сильвестр (Братановский), архиепископ Хутынский Алексей (Симанский), архиепископ Самарский Анатолий (Грисюк), архиепископ Вятский Павел (Борисовский), архиепископ Звенигородский Филипп (Гумилевский), епископ Сумской Константин (Дьяков) и епископ Сергей (Гришин).

(Спустя годы Патриарх Алексей говорил: «Когда преосвященный Сергей принял на себя управление Церковью, он подошел эмпирически к положению Церкви в окружающем мире и исходил тогда из существующей действительности. Все мы, окружавшие его архиереи, были с ним согласны. Мы все Временным Синодом подписали с ним Декларацию 1927 года в полном убеждении, что выполняем свой долг перед Церковью и ее паствой». (Эти слова много позже записал А.Л. Казем-Бек, вошедшие в его рукопись «Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексей»)).

В «Декларации» заявлялось, что митрополит Сергей потребовал от зарубежных епископов письменного обязательства в лояльности Советскому правительству. Не давшие такого обязательства или нарушившие его будут исключены из состава клира, подведомственного Московской Патриархии.

Зарубежный Синод не принял позицию "Декларации", усмотрев в руководстве Церковью митрополитом Сергием превышение полномочий и неканоничность. Из эмигрантских лидеров письменное обязательство в политической лояльности прислал лишь митрополит Евлогий (Георгиевский).

Поразила "Декларация" и русский епископат. Одни епископы сразу не приняли ее вынужденную позицию. Среди них были: митрополиты Кирилл (Смирнов), Иосиф (Петровых), архиепископы Угличский Серафим (Самойлович), Псковский Варлаам (Ряшенцев), епископы Вятский и Воткинский Виктор (Островидов). Гдовский Димитрий (Любимов) и другие.

8 февраля 1928 года архиепископ Серафим Угличский писал митрополиту Сергию: "Вы, так мудро и твердо державший знамя православия в первый период своего заместительства, теперь свернули с прямого пути и пошли на дорогу компромиссов, противных Истине... Что же случилось?... Неужели Вы не найдете мужества сознаться в своей роковой ошибке - издании Вашей декларации 16/29 июля 1927 г.?"⁴.

Анализируя весь текст "Декларации", можно с уверенностью сказать, что основная часть ее написана самим митрополитом, а тучковская команда взяла на себя сочинительство первой и последней частей документа. Вот так, к примеру, звучит продолжение мысли митрополита о возможности мирной деятельности в рамках закона: "Теперь, когда мы почти у самой цели наших стремлений, выступления наших зарубежных врагов не прекращаются: убийства, поджоги, налеты, взрывы и им подобные явления подпольной борьбы у нас у всех на глазах"⁵. Как близок этот слог к газетным публикациям 30-х годов о "вредителях" и "врагах народа".

Или "тучковский" абзац о "карловчанах": «Но Синод и до сих пор продолжает существовать, политически не меняясь, а в последнее время своими притязаниями на власть даже расколол заграничное церковное общество на два лагеря. Чтобы положить этому конец, мы потребовали от заграничного духовенства дать письменное обязательство в полной лояльности и Советскому Правительству во всей своей общественной деятельности». Концовка абзаца, вероятно, исходит от самого митрополита, поскольку очень созвучна тексту первой редакции Послания от 1926 года:

«С другой стороны, наше постановление, может быть, заставит многих задуматься, не пора ли им пересмотреть вопрос о своих отношениях к Советской Власти, чтобы не порывать со своей родной церковью и родиной»⁶.

В "Декларации" 1927г., в отличие от первой редакции и "Памятной записки" соловецких епископов, отсутствовал критический элемент в оценке государственной политики по отношению к Церкви. Положение о церковном мировоззрении и большевистской идеологии были также Тучковым сняты.

Именно в этот период личность митрополита Сергия и его деятельность приобрели поистине трагическую окраску. Некогда блестящий ученый-богослов, любимый верующими пастырь все чаще в одиночку противостоял богоборческой власти, пытаясь сохранить паству и духовенство, оберегая многомиллионный православный народ от жестокого выбора между катакомбами и очередной схизмой. Что же касается реакции Местоблюстителя митрополита Петра, то из своей ссылки на Обской губе он передал о своем общем согласии с необходимостью появления "Декларации 1927 г." (о проекте 1926 г. он ничего не знал), однако, не принимая при этом большинство ее формулировок.

В конце 1927 года Временный Патриарший Синод под давлением власти начал увольнять на покой сосланных архиереев, начались перестановки на кафедрах. Это вызвало резкое недовольство у части духовенства. Группа архиереев во главе с митрополитом Иосифом (Петровых) пошла на отделение от митрополита Сергия. Отошли от него также временный управляющий Воронежской епархией епископ Козловский Алексей (Буй) и управляющий Воткинской епархией епископ Глазовский Виктор (Островидов).

В декабре 1927 года митрополит Сергей оценивал эту ситуацию так: «Перемещение епископов - явление временное, обязанное своим происхождением в значительной мере тому обстоятельству, что

отношения нашей церковной организации к гражданской власти до сих пор оставались неясными. Согласен, что перемещение часто удар, но не по Церкви, а по личным чувствам самого епископа и пасты, но, понимая чрезвычайность положения и усилия многих разорвать церковное тело тем или иным путем, и епископ и паства должны пожертвовать своими личными чувствами во имя блага общецерковного».

Что касается обвинения митрополита Сергия в устранении молений «за сущих в темницах», то в ответе делегации Петроградской епархии он сказал: «Устранено не моление за сущих в темницах и пленении (в ектении оно осталось), а только то место, которым о.о. (отцы) протодиакон в угоду известным настроениям иногда злоупотребляли, превращая молитвенное возгласие в демонстрацию; ведь у нас литургия верных совершается не при закрытых дверях, как в древности, а публично и потому подлежит правилам о публичных собраниях»⁷. Сегодня трудно себе представить, какому уровню цинизма власти ему приходилось противостоять...

6 февраля 1928 года с письмом к Владыке Сергию обратился митрополит ярославский Агафангел (Преображенский). Кроме него поставили свои подписи архиепископ Угличский Серафим (Самойлович), архиепископ Ростовский Евгений (Кобранов), митрополит Иосиф, бывший тогда в Ярославле и архиепископ Варлаам (Ряшенцев). Архиереи осудили Заместителя Местоблюстителя за неоправдываемое перемещение епископов, часто вопреки их и желанию пасты, и заявили о своем отделении от него. Владыка Сергий дважды писал митрополиту Агафангелу, умоляя его не делать этого, т.к. даже административный разрыв с ним равносителен расколу. Ответа не последовало. И только после предания Синодом митрополита Иосифа церковному суду с запрещением в священнослужении, митрополит Ярославский Агафангел со своими викариями заявили, что не порывают молитвенного общения с Заместителем Местоблюстителя, раскол не учиняют, но отказываются выполнять те распоряжения митрополита Сергия, которые смущают их совесть. Постановлением от 30 мая 1928 года Синод признал это заявление удовлетворительным и снял запрет с епископа Евгения и архиепископа Варлаама.

Была еще одна группа архиереев, которые, не отвергали правомочности власти Заместителя Местоблюстителя, но не принимали его позиции и также не поминали его имени, ограничиваясь только возношением имени Местоблюстителя Патриаршего Престола митрополита Петра. Такую позицию заняли и митрополит Кирилл (Смирнов), и архиепископ Феодор (Поздеевский), и епископы Арсений (Жадановский), Серафим (Звездинский), Афанасий (Сахаров), Григорий (Лебедев).

Отделившихся и непоминающих не устраивала "Декларация 1927 г.", далеко зашедшие компромиссы с властью, хотя большинство из них считали необходимым добиваться нормализации отношений Церкви и власти.

Была еще многочисленная группа архиереев, потерявшая в тяжелых условиях чувство духовного равновесия, не считавшая особенно важным сохранять церковные структуры, готовая уйти в катакомбы.

Делая свой решительный выбор на пути унижения и страданий, митрополит Сергий желал одного: сохранить многомиллионную православную паству. И помощь ему в этом оказали такие выдающиеся церковные деятели, как митрополиты Михаил (Ермаков), Никандр (Феноменов), Серафим (Чичагов), архиепископы Евгений (Зернов), Петр (Зверев), епископы Николай (Ярушевич), Венедикт (Плотников). А архиепископ Иларион (Троицкий) написал с Соловков осуждающее письмо тем, кто отделился от митрополита Сергия, упрекая их в расколе.

Но, несмотря на этот ряд позитивных моментов, церковные настроения в конце 20-х годов приобретали все более тревожный характер. А впереди Церковь ждали новые репрессии и страдания, связанные, в первую очередь, со знаменитым сталинским тезисом о том, что по мере продвижения к социализму усиливается классовая борьба. Власть готовилась к окончательному физическому уничтожению Церкви...

1929 год стал переломным в истории России - страна становилась тоталитарным государством, роковым он стал и в отношениях Церкви с властью.

9 июня 1929 года II съезд Союза Безбожников объявил о наступлении на религию. Тогда же в июне на Антирелигиозном совещании при ЦК ВКП(б) было заявлено о беспощадной борьбе с Церковью.

Серьезные поправки были внесены в Конституцию РСФСР в мае 1929 года на XIV Всероссийском съезде Советов, ограничивающие права верующих и проведении связанной с этим религиозной работы. Если в прежней редакции статья 4 формулировалась как: "Свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами", то в редакции 1929 года было записано следующее: "Свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами" (из статьи было изъято положения о свободе религиозной пропаганды)⁸.

Постановлением ВЦИК СССР "О религиозных объединениях" от 8 апреля 1929 года и октябрьской (1929 г.) инструкцией НКВД регламентировалась религиозная жизнь в стране. Вновь отрицались все права Церкви как юридического лица. Нововведением стала обязательная регистрация религиозных объединений и их членов, а местные органы власти могли отказывать в регистрации и тем, и другим без каких-либо объяснений. Церковная жизнь ограничивалась только богослужением в стенах храма. Запрещалось без разрешения власти проводить собрания верующих, назначать или избирать руководителей общин, пользоваться услугами государственных предприятий, типографий, организовано обучать детей религии, заниматься всеми видами благотворительности. Ввиду отсутствия у Церкви прав юридического лица, договоры о ремонте церковных зданий могли заключаться только индивидуально с членами приходов, которые попадали под статью о частном предпринимательстве, что влекло за собой резкое повышение налогообложения. Духовенство и клирики, лишённые избирательных прав или ограниченные в отдельных политических и гражданских правах, платили в советскую казну с 1930 г. 75% с "нетрудовых доходов", к коим была причислена и

плата за отправление культа. Священников выселяли из квартир как "лишенцев". Еще с 1928 г. по той же причине для них была установлена непомерно высокая квартплата, она оставалась такой до 1943 г. включительно.

Развернулась широкая кампания за вступление граждан в ряды "Союза воинствующих безбожников", руководимая Е.М. Ярославским и насчитывающая в начале 30-х годов 96 тыс. первичных ячеек на местах. Эта видимая активная работа, нанеся огромный моральный урон всей нации, не имела реальных высоких результатов, т.к. народ в большинстве своем оставался верующим, и кризис "Союза Безбожников" будет очевиден в середине 30-х годов. Но и комсомол, и юные пионеры, "воинствующие безбожники" - лишь видимая часть антирелигиозной борьбы. О другой, тайной, разрабатываемой в недрах Политбюро и осуществляемой руками НКВД, знали единицы. И самым удачливым и неутомимым бойцом - исполнителем на "церковном фронте" был Евгений Александрович Тучков, о деяниях которого написано уже немало...

Долгие годы о нем бытовали различные мнения. Одни считали, что под его фамилией скрывается группа лиц, другие принимали его фамилию за псевдоним.

Он никогда не был ни первым, ни вторым, ни третьим лицом во Всероссийской ЧК, но, тем не менее, в многочисленных чекистских сценариях ему отводились ведущие партии.

Ни одна операция с его участием не провалилась, при этом акции могли проходить в различных регионах страны почти одновременно.

Начальник одного из отделений Секретно-политического отдела ОГПУ, он был рожден для антирелигиозных дел, участвовал в гонениях не только на Русскую Православную церковь, но и Католическую Церковь и на "Союз христианской молодежи", лидер которого И. Проханов после свидания с Тучковым в следственном изоляторе ОГПУ начал призывать братьев-баптистов не отказываться от воинской службы под ружьем.

Его хватало на все и на всех. Обнаружены документы о причастности Тучкова к акции снятия и переплавки на пятаки российских колоколов. Именно ему принадлежит термин «Истинно-православная церковь», который сначала войдет во все дела непоминающих, а затем станет историческим понятием. Очевиден его тесный контакт с "воинствующими безбожниками": Ярославским и Скворцовым-Степановым, подтверждены официальные связи со Смидовичем и другими государственно-партийными лидерами.

Ситуация в Советской России в конце 20-х - начале 30-х годов беспокоила мировую общественность. В Европе и Америке все громче раздавались протесты против гонения на Церковь в СССР. Второго февраля 1930 г. Папа Пий XI обратился к верующим мира с призывом молиться о спасении Русской Церкви. Это нарушило внешнеполитические планы СССР, который готовился вступить в Лигу Наций. Срочно потребовалось опровержение того, о чем писала зарубежная печать. Практическое осуществление этого мероприятия вновь было поручено Е. Тучкову. Он предложил митрополиту Сергию выступить на пресс-конференции перед журналистами с опровержением мирового общественного мнения о гонении на Церковь в СССР. В ответ Заместитель Местоблюстителя выдвинул свои условия участия в фарсе: власть принимает требования митрополита Сергия о значительном облегчении невозможного существования духовенства и клира в безбожной России. В силу значимости и малой известности этого документа, приводим его полностью:

19 Февраля 1930г. Копия

№ 525 ПАМЯТНАЯ ЗАПИСКА О НУЖДАХ ПРАВОСЛАВНОЙ ПАТРИАРШЕЙ ЦЕРКВИ В СССР для тов. СМИДОВИЧА П.Е.

1. Страховое обложение церквей, особенно в с/местностях иногда достигает таких размеров, что лишает общину возможности пользоваться церковным зданием. Необходимо снизить, как оценку церковных зданий /относительно не приравнивая ее к зданиям доходным/, так и самый тариф страхового обложения.

2. Сбор авторского гонорара в пользу Драмсоюза необходимо поставить в строго законные рамки, т.е. чтобы сбор производился только за исполнение в церкви тех музыкальных произведений, которые национализированы или же по авторскому праву принадлежат какому-либо лицу, а не вообще за пение в церкви чего бы то ни было, в частности при богослужении:

чтобы исполнение служителями культа своих богослужебных обязанностей не рассматривалось, как исполнение артистами музыкальных произведений, и потому церкви не привлекались бы к уплате 5-ти % сбора со всего дохода, получаемого духовенством, т.е. и дохода от треб, совершаемых даже вне храма.

3. Необходимо прекратить взимание сбора за страхование певчих, отмененного в июне 1929 г. и взимаемого с церквей за пропущенные годы /иногда с 1922 г./ по день отмены, причем вместе с пеней сбор иногда достигает очень значительных сумм /напр. 4.000 руб. с лишком/.

4. Необходимо отменить обложение церквей различными с/х и др. продуктами /напр., зерновыми или печеным хлебом, шерстью и т.п./, а также специально хозяйственными сборами, напр., на тракторизацию, индустриализацию, на покупку облигаций, госзаймов и т.п. - в принудительном порядке.

За неимением у церквей хозяйства, налог, естественно, падает на членов религиозной общины, является, таким образом, как бы особым налогом за веру, сверх других налогов, уплачиваемых верующими наравне с прочими гражданами.

5. Необходимо распоряжение НКФ от 5-го января с.г. за № 195 о неналожении штрафов, ареста и пр. на имущество членов общины и прих. советов за неуплату налогов на церковь, распространить и на страховой налог, авторский и пр.

6. Необходимо разъяснить, чтобы члены прихода, церковные старосты и сторожа и др. лица, обслуживающие местный храм, не приравнивались за это к кулакам и не облагались усиленными налогами.

7. Необходимо разъяснить, чтобы представители прокуратуры на местах в случае обращения к ним православных общин или духовенства с жалобами, не отказывали им в защите их законных прав при нарушении их местными органами власти или какими-либо организациями.

8. Необходимо признать за правило, чтобы при закрытии церквей, решающим считалось не желание неверующей части населения, а наличие верующих, желающих и могущих пользоваться данным зданием, чтобы православный храм по ликвидации одной общины мог быть передан только православной же общине, если в наличии есть достаточное количество желающих образовать такую общину и, чтобы, по упразднении храма /от каких бы причин оно ни зависело/ членам православной общины предоставлено было право приглашать своего священника для исполнения всех их семейных треб у себя на дому.

9. Необходимо сделать разъяснения касательно вступления в силу постановления СНК от 8-го апреля 1929 г. о религиозных объединениях, а равно и относящейся к атому постановлению инструкции /от 1-го октября 1929 г./ и дополнительных распоряжений, так как иногда местные власти не принимают от общины заявлений о регистрации и даже запрещают делать какие-либо подготовительные шаги к регистрации /между тем, как в законе ясно указан предельный срок - 1-ое мая 1930г., до истечения которого обязаны зарегистрироваться все общины, желающие продолжать свое существование/.

10. ПОЖЕЛАНИЯ ДУХОВЕНСТВА: чтобы служители культа, как не пользующиеся при извлечении дохода наемным трудом, приравнены были по-прежнему к лицам свободных профессий, а не к трудовому элементу, тем более, не к кулакам.

11. Чтобы при обложении доходов не назначалась произвольно, иногда вне всяких возможностей /напр., в Ижевске, на Епископа Синезия (Зарубина) наложено 10.300 р. и потом еще 7.000 р. с сотнями в качестве аванса на будущий год/ и чтобы обложение приравнено было к лицам свободных профессий.

12. Чтобы в отношении служителей культа, как элементу не кулацкому, дана была сельским властям ясная инструкция, устанавливающая некоторые границы касательно сроков и размеров местных налогов в порядке самообложения.

13. Чтобы служители культа, не занимающиеся сельским хозяйством, скотоводством, охотой и т.п. не облагались продуктами упомянутых занятий /зерновым или печеным хлебом, шерстью, маслом, дичью и т.п./, причем иногда в экстренном порядке /"в 24 часа"/.

14. Чтобы при описи имущества за неуплату налогов оставался законный минимум обстановки, одежды, обуви и пр.

15. Чтобы при назначении трудовой повинности принимался во внимание как сообразный со здравым разумом размер налагаемой повинности / напр., на священника села Люк Вотской области наложено срубить, распилить и расколоть 200 кубов дров/, так и возраст и состояние здоровья подвергаемых повинности.

16. Чтобы служители культа не лишались права иметь квартиру в пределах своего прихода и около храма в сельских местностях, хотя бы и в селениях, перешедших на колхоз, и чтобы лица, предоставляющие служителям культа такую квартиру, не облагались за это налогами в усиленной степени.

17. Чтобы детям духовенства разрешено было учиться в школах 1 и 2 ступени и чтобы те из них, кто с осени 1929 года уже были зачислены в состав студентов ВУЗа, не изгонялись за одно свое происхождение, а изгнанным предоставлено было право закончить свое образование.

18. Желательно, чтобы певчие - любители, профессионалы, состоящие в союзе РАБИС и др. профессиональных союзах и для постороннего заработка участвующие в церковных хорах, за это участие не исключались из РАБИС и других союзов.

19. Летом 1929 г. возбуждалось ходатайство об открытии в Ленинграде Высших Богословских курсов Православной Патриаршей церкви. Весьма желательно получить удовлетворение этого ходатайства, хотя бы в целях уравнивания нашего церковного течения с обновленчеством, у которого есть академии.

20. Давно чувствуется потребность иметь в Патриархии какое-нибудь периодическое издание, хотя бы в виде ежемесячного бюллетеня для печатания распоряжений, постановлений, посланий и пр. Центральной Церковной власти, имеющей общественный интерес.

21. Ввиду газетных статей о необходимости пересмотра Конституции СССР в смысле совершенного запрещения религиозной пропаганды и дальнейших ограничений церковной деятельности, П Р О С И М защиты и сохранения за Православной Церковью тех прав, какие предоставлены Ей действующими законоположениями СССР.

Подлинник подписан: Иван Николаевич Страгородский

Митрополит Нижегородский Сергей, Зам. Патриаршего Местоблюстителя.⁹

Адресат - П.Г.Смидович был выбран не случайно. Его деятельность до сегодняшнего дня окутана дымкой тайны и догадок. Но на антирелигиозном поле большой игры он был фигурой далеко не последней. Е.Тучков обещал Митрополиту передать "Записку" сразу же после конференции для зарубежных корреспондентов, которая состоялась 19 февраля 1930 года (для отечественных она устраивалась 15 числа).

На конференции присутствовали члены Патриаршего Синода. На вопрос о гонениях последовал ответ, что его не было и нет "в силу Декрета об отделении Церкви от государства исповедание любой веры вполне свободно и никаким государственным органом не преследуется".¹⁰

На вопрос о репрессиях за религиозные убеждения последовал ответ: "Репрессии, осуществляемые Советским правительством в отношении верующих и священнослужителей, применяются к ним отнюдь

не за их религиозные убеждения, а в общем порядке, как и к другим гражданам за различные противоправительственные деяния".¹¹ Митрополит Сергей был прав. Статьи подводились самые разные: от неуплаты налогов до контрреволюционных организаций. Но нигде не проходили "религиозные убеждения".

На вопрос о свободе религиозной пропаганды митрополит ответил: "Священнослужителям не запрещается отправление религиозных служб и произнесение проповедей (только, к сожалению, мы сами подчас не особенно усердствуем в этом)".¹² Как уже говорилось выше, "драконовское" Постановление 1929 года ограничило церковную жизнь богослужением только в стенах храма. На вопрос жесткости власти по отношению к отдельным священнослужителям митрополит ответил, что это - вымысел, клевета и добавил далее: "К ответственности привлекаются отдельные священнослужители не за религиозную деятельность, а по обвинению в тех или иных антиправительственных деяниях".

На вопрос о том, пользуется ли какое-либо религиозное течение привилегиями со стороны власти, митрополит Сергей сказал: "По советскому законодательству все религиозные организации пользуются одинаковыми правами" (гонениям с 1929 года подвергались все конфессии, о чем митрополит и сказал. Весь мир знал, что стоят права в СССР). На вопрос о своем отношении к обращению Папы Римского, прозвучал ответ: "Считаем необходимым указать, что нас крайне удивляет недавнее обращение Папы Римского против Сов. власти. Мы считаем излишним и ненужным это выступление. Папы Римского, в котором мы, православные, совершенно не нуждаемся".¹³

Да, упрекать митрополита Сергея в таких ответах можно долго. Но следует и глубже вдуматься в них. Он говорил скупой и сжато, постоянно подчеркивая существование Церкви в жестких рамках Декрета 1918 г. и Постановления 1929 г. О "Памятной записке" от 19 февраля 1930 г., которая приведена выше, широкому читателю известно мало, а в те годы она относилась к разряду строго секретной документации. В этих 21 пункте митрополит Сергей изложил все нарушения имеющегося законодательства о культах.

Страховое обложение церквей достигало таких размеров, что лишало общину возможности пользоваться церковным зданием. Церковные старосты, сторожа и другие лица, обслуживающие храмы, приравнивались властью к кулакам и подвергались усиленному налогообложению. Местные власти не рассматривали жалобы общин, прокуратура отказывала мирянам и священникам в защите их законных прав.

Закрывание храмов повсеместно по стране проходило по желанию неверующей части населения, верующие всячески же ущемлялись в правах, не имея даже права приглашать своего священника для исполнения каких бы то ни было семейных треб на дому.

Основную часть "Записки" Заместитель Местоблюстителя посвятил положению духовенства в Советском Союзе.

Приравненное к "нетрудовым элементам" (кулакам) духовенство (особенно сельское) попадало под главный удар классовой борьбы в деревне. Митрополит просит власть вернуть священство, как это было раньше, к "лицам свободных профессий". Политика налогообложения в отношении священства была произвольной. Кроме денежных выплат, духовенство платило продовольственный налог зерном, мясом. Платили и те, кто не занимался сельским хозяйством.

С 1929 года власть повела наступление и на детей духовенства, они исключались из институтов и могли получить теперь только начальное образование. Митрополит просит власть дать детям учиться и не делать их изгоями только за одно свое происхождение.

Последние просьбы Владыки относились к вопросам духовного просвещения (открытие богословских курсов) и издательской деятельности (печатный ежемесячный бюллетень для распоряжений, посланий и постановлений). Из всех просьб власть удовлетворила одну: начал выходить, хотя и нерегулярно, "Журнал Московской Патриархии", но вскоре был закрыт.

Трудно сказать, на что надеялся Владыка, передавая свое послание через Тучкова Смидовичу. Верил ли в успех? Или знал, что с пути им выбранного сойти не удастся. И он будет использовать любую возможность, идя через сильнейшие унижения по своему трагическому пути, чтобы сохранить ядро Церкви.

Реакция на выступление митрополита на конференции части духовенства в России и за границей была отрицательной. В защиту Заместителя Патриаршего Местоблюстителя выступил митрополит Евлогий (Георгиевский), подчеркнув, что, если бы позиция митрополита Сергея оказалась церковно преступной, то все верующие услышали бы голос Местоблюстителя из заключения. Правда, митрополит Петр многое из деятельности Владыки Сергея воспринимал критически, не одобряя учреждение Временного Патриаршего Синода, перемещения с кафедр и запрещение в служении иерархов, несогласных с церковной политикой Заместителя Местоблюстителя. Но назад дороги не было...

Возникает вопрос: почему митрополит Сергей и дальше продолжал идти по предначертанному пути, видя, что долгожданного облегчения для Церкви и духовенства не наступает.

Один из ответов дал Н. Бердяев в своей статье «Вопль Русской Церкви», оценивая позицию митрополита: «Героическая непримиримость отдельного человека, готового идти под расстрел, прекрасна, полновесна и вызывает чувство нашего восхищения. Но там, в России, есть еще другой героизм, другая жертвенность, которые люди не так легко оценивают. Патриарх Тихон, митрополит Сергей - не отдельные, частные лица, которые могут думать только о себе. Перед ними всегда стоит не их личная судьба, а судьба Церкви и церковного народа как целого. Они могут и должны забывать о себе, о своей чистоте и красоте и говорить лишь то, что спасительно для Церкви. Это есть огромная личная жертва. Ее принес Патриарх Тихон, ее приносит митрополит Сергей. Некогда эту жертву принес св. Александр Невский, когда ездил в Ханскую Орду.

Отдельный человек может предпочесть личное мученичество. Но не таково положение иерарха, возглавляющего Церковь, он должен идти на иное мученичество и принести иную жертву».14

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Русская Православная Церковь и Коммунистическое государство 1917 - 1941. Документы и материалы. М., 1996. С. 221.
2. Васильева О.Ю. Жребий митрополита Сергия // Ежегодная богословская конференция. М., 1997. С. 180.
3. ГАРФ.Ф.8409. Оп. 1. Д. 280. Л. 13. (Милова О.Л. Новые страницы в «Книге памяти» пострадавшим за веру в СССР в 1920 - 1930 гг. // Церковь в истории России. Вып. 5. М., 2002.
4. Троицкий С.В. О неправде карловацкого раскола. Париж, 1960. С. 25.
5. ГАРФ.Ф.1235. Оп.2. Д. 1206. Л.1.
6. Там же.
7. ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 1. Д. 73. Л. 216.
8. "Правда" 1929. 10 июня.
9. ГАРФ. Ф. 6343. Оп. 1. Д. 263. ЛЛ. 67-68.
10. Там же. Л. 57.
11. Там же. Л. 58.
12. Там же.
13. Там же. ЛЛ. 57-58.
14. Архимандрит Феодосий (Алмазов). Мои воспоминания. Москва. 1997. С. 252.